ШПАКОВСКИЙ А.

ЗАПИСКИ СТАРОГО КАЗАКА

Около двадцати лет, по воле судьбы, мне пришлось прослужить в рядах Кавказского линейного казачьего войска, в сословие которого я был зачислен, по особому Высочайшему повелению, навсегда с потомством. Я начал боевое свое поприще в конной № 14-го казачьей батарее, урядником.

Много привелось мне в этот период времени видеть, испытать и перенести на Кавказе в боевой, тогда тяжелой и тревожной, службе, переходя со своим взводом из одного отряда в другой, то в большой и в малой Кабарде, то в обеих Чечнях, на лезгинской линии, или в северном и в южном Дагестане, наконец на правом фланге, за Кубанью, на передовой лабинской линии. Во 2-й войсковой бригаде, в которой я водворился на жительство, мне пришлось нести должности то станичного атамана, то командира сотен, конно-ракетных команд и пластунов; был я и воинским начальником, и заседателем полкового правления; всего же долее находился в должности адъютанта управлений начальника лабинской линии и командира 2-й бригады Кавказского линейного казачьего войска.

Начав службу урядником, мне пришлось ознакомиться не поверхностно, а вполне с жизнью и бытом линейного казака. Пришлось волей-неволей примениться к новым порядкам и освоиться со строем общественной войсковой жизни; одним словом, пришлось быть вполне казаком.

При поступлении на службу мне было 18-19 лет, а в этом возрасте человек без большого труда переменяет ту обстановку, в которой он рос и воспитывался, на совершенно новую и более суровую; поэтому мне не было особенно трудно из гардемарина превратиться в гусарского юнкера, и затем в истого казака. [188]

Живя теперь семейным, мирным гражданином, частенько переношусь мысленно в прошлое былое, невозвратное, в котором было немало прекрасного и обаятельного, грустного, тревожного и подчас страшного. Вспоминаю лихих начальников и товарищей, преждевременно отправленных пулей, кинжалом или шашкой горца в лоно Авраама, их славные боевые подвиги, в которых не раз приходилась и для меня доля, и частенько раздумываю о завидной смерти не от горячки, лихорадки или старческой немощи. Но время идет, изглаживая в памяти много славных, доблестных дел и отдельных эпизодов из подвигов линейцев, совершенных до покорения Кавказа.

Случай позволил мне быть очевидцем или соучастником многих таких подвигов и эпизодов и, как живая легенда, я постараюсь правдиво, не мудрствуя, передать, как сумею, на память родным и друзьям, о нашем кавказском былом.

Теперь я жалею, что не вел дневника (впрочем, тогда это дело было почти невозможное); потому в рассказе я не буду придерживаться хронологического порядка, а буду говорить,

как придется вспомнить, сохраняя, по возможности, имена личностей и мест, где, что и как случилось.

Чтобы выяснить то положение и состояние лабинской линии, в котором она находилась в период с своего основания до конца пятидесятых годов, необходимо сказать, насколько припомню, о тогдашнем делении военных границ Кавказа.

Кавказ делился на три главные части: правый и левый фланги и центр.

Правый фланг начинался от станицы Васюринской, границы Черноморского войска, шел через станицу Усть-Лабинскую (1-й кавказской бригады), при устье реки Лабы, затем вверх по ее течению, берущему начало в ледниках двуглавого исполина кавказского хребта Эльбруса, или Шат-горы, и охватывал пространство до Георгиевска (Кавказские минеральные воды, Пятигорск, Эсентуки, Железноводск и Кисловодск, составляли свою кордонную линию и относились уже более к центру). Центр заключал в себе обе Кабарды, часть военно-грузинской дороги, обе Чечни и поворачивал на город Моздок, от которого до Каспийского Моря, по рекам Тереку, Сунже, и Сулаку, простирался левый фланг.

Все эти три отдела совмещали в себе, станицы, посты, укрепления и крепости, пограничные с землями непокорных горских племен. Дагестан же и Закавказье составляли особые отделы. [189]

Так как большая часть записок моих будет относиться к правому флангу, то нелишним считаю ознакомить читателей с бывшею лабинской линиею и с прежним ее значением, как главного, передового пункта, подвергавшегося частым вторжениям хищников и служившего сборным местом отрядов, назначавшихся для наказания их.

До 1841 года за Кубанью было лишь несколько укреплений и постов, по рекам Урупу, Чамлыку, Окарту, Тегеням и Большому Зеленчугу. Эти передовые пункты, по своей раскинутости и незначительности гарнизона, мало приносили пользы, и партии, минуя их, прорывались за Кубань для грабежа.

Обстоятельство это вызвало необходимость занять реку Лабу населением станиц, как более сильным и крепким оплотом. Сделать это заселение было поручено начальнику кубанской линии, генералу Зассу, который, произведя рекогносцировку для определения пунктов более удобных как в климатическом, так и стратегическом отношениях, поручил в том же году адъютанту своему, ротмистру П. А. Волкову, водворить на новой линии четыре станицы, построить между ними посты и сформировать Лабинский казачий полк. Для населения станиц вызывались охотники, назначались по жребию и высылались люди буйные и сектаторы из всех казачьих войск, тогда населявших Кавказ.

Размещение первых станиц — Урупской, Вознесенской, Чамлыкской и Лабинской — промежуточными постами и укреплениями в шахматном порядке, на реках Уруп, Чамлык и Лабе, принесло большую пользу впоследствии и оказалось лучшею мерою, как для взаимной поддержки, так и для отстранения вторжений хищников в наши пределы.

С 1841 по 1858 год населено было более 25 станиц, и сформирована из них 2-я лабинская бригада, в составе трех конных полков и одного пешего батальона. Укрепления с постами заняли не только реку Белую, впадающую в Кубань, но перешли за нее к Черным горам, а берега рек Окарта, обоих Тегеней и других, заселились станицами. Состав жителей, водворенных на линии и слившихся в одно целое, был очень разнообразен; надо было много усилий и воли для того, чтобы устроить и удержать эту массу, состоявшую из старых кавказских сектаторов, персидских выходцев, татар, армян, грузинов, малороссиян, донцов и разного люда со всей матушки-России. Постоянное ожидание **[190]** тревоги и стычки с неприятелем выработали из этой массы воинственно-удалое, стойкое и храброе население.

Лабинская линия, начиная от станицы Усть-Лабинской, шла вверх по Лабе на расстоянии более 300 верст и замыкалась почти перпендикулярно зеленчугской линией, заключавшейся в трех укреплениях: Надеждинском, Бельширском и Зеленчугском. Пространство за этими линиями, до снежного хребта, занимали горские племена: карачаевцы, дженгет и даур габли, баговцы, тамовцы, беглые кабардинцы, бесленеевцы, махошевцы, темиргоевцы, натухаевцы, абадзехи и другие более малочисленные, тянувшиеся к перевалу за хребет на восточный берег Черного Моря, к сильным племенам убыхов и шапсугов.

I.

ПЛАСТУНЫ: УРЯДНИКИ ДЕМАНОВ И ЗИМОВИН И КАЗАК КОРОТКОВ.

(Пластун, производное слово от пласт — лежать пластом)

Черноморское казачье войско, образовавшееся из остатков Запорожской Сечи и части присоединившихся к ним некрасовцев, сохранило много прежних своих учреждений и обычаев.

В составе войска рельефно выдается *пластун*. Эта личность могла сформироваться и выработаться именно в то только время, когда казачеству, окруженному со всех сторон врагами, приходилось быть всегда настороже. Пластуны, сформировавшись в команды или товарищества, были твердым оплотом против внезапных покушений и хитрости неприятеля.

Пластун Сечи, изменяя наименование запорожца на черноморца, не изменился в своем характере: как на порогах Днепра, так и на Кубани он та же личность, только с новой обстановкой. С учреждением лабинской линии, была сформирована на ней и особая команда пластунов, не по назначению, а из охотников, которым впоследствии предоставлено было право избирать в свой состав товарищей из строевых и нестроевых казаков. Для поощрения им предоставлялась, по призовому праву, вся добыча в личную собственность. На линии было более сотни пластунов. В обязанность им вменялось охранение границ от внезапных вторжений легких партий, разведывание намерений горцев, осмотр и изучение местности и дорог, так чтобы они могли быть верными проводниками нашим отрядам: это были главные обязанности пластуна; затем вредить

хищникам и истреблять их насколько [191] хватит сил, возможности и уменья, о чем, впрочем, напоминать ему не было нужды.

Эта охота за людьми привилась вполне к подготовленной натуре казака и обратилась в страсть.

Пластуны отправлялись в горы больше пешие, чем конные, и редко вместе более 5-6 человек. Случалось, и не раз, что пластун пропадал по месяцу и более, исключался без вести пропавшим и вдруг являлся цел и невредим с добычей. На спрос: «где пропадал?» всегда один ответ: «да у татарвы», а что делал, это уже его тайна, да того, с кем он тягался на смерть.

Триумвират таких друзей, Деманов, Зимовин и Коротков, отправились, осенью в сорок шестом году, к вершинам Лабы, конными. С неделю дела их шли удачно, но как молодцы ни хитрили, следы их были открыты, и человек 30 горцев окружили их близ Черных гор. С полудня до ночи хлопцы отбивались, пользуясь превосходной позицией; на помощь рассчитывать не приходилось — и волей-неволей нужно было что-нибудь придумать; к тому же у двоих кони были убиты. Думали крепкую думу друзья; но куда ни кинь, так клин — и вот, наконец, решили: оставили коней с перерубленными шеями, чтоб не достался татарве, и, пользуясь темнотою, свернули бурки, надели на них папахи и усадили чучел к разведенному костру; сами же как тати сползли в ущелье и бродом по ручью пробрались между стерегшими их горцами. Дело было отважное и трудное, но вполне удалось.

Отойдя верст с десяток, друзья неожиданно наткнулись на конный табун голов в полсотню, стерегомый двумя горцами. Подкрасться и покончить с сторожами было нетрудно, так как оба они спали, и проснулись уже прямо в раю Магомета, куда отправили их кинжалы друзей-охотников до поживы. На другой день к вечеру, без особых приключений, табун был пригнан в станицу.

Утром начался торг конями — и за ведро, много за два, водки, можно было выменять трех или четырех лошадей. Из этого можно заключить, какую ценность имела водка, и какую пропорцию относительно ее составляла опасность, да и самая жизнь для пластуна.

Перепившись и, как водится, наткнувшись по-приятельски по нескольку раз на дружний кулак, помирившись и снова подравшись, друзья, дня через три или четыре, опять отправились в горы на новую опасность и за новой добычей. Мы не раз еще **[192]** встретимся с этими оригинальными личностями, составившими себе имя и известность как у своих, так и у горцев своими подвигами.

II.

ПРИКАЗНЫЙ ЛЕДОВСКОЙ.

Дежурство, т.е. личный конвой начальника линии и командира 2-й бригады состоял из ста казаков 1-го, 2-го и 3-го конных лабинских полков. Эта команда находилась почти

бессменно в штабной Лабинской станице; людей из нее отпускали на побывки в свои станицы только частями. В начале пятидесятых годов, осенью, пять казаков 2-го Лабинского полка 6-й сотни, станицы Константиновской, с приказным Ледовским, были отпущены на несколько дней из конвоя домой. Пробыв там дозволенное время и, как водится, угостившись на прощанье, они, в веселом расположении выехали из станицы перед вечером, рассчитывая добраться до Лабинской не совсем поздно, так как от реки Чамлыка, на которой стоит их станица, по прямой дороге приходилось проехать какие-нибудь 18 верст. До выезда их в станице не было получаемо ни цыдул (Цыдула, известие посылаемое с нарочными по всей линии о принятии меры осторожности, о прекращении сообщений, кроме конных, между станицами, а также полевых работ. Открытое предписание было разрешение всего, что воспрещалось цыдулой), извещающих о сборе или вторжении хищников для набега, ни сведений от пластунов о том же, а потому ехали они спустя рукава. Казак, подгулявший более других, вздумал даже поджигитовать, т.е. показать свою наездническую удаль: выхватил из чехла винтовку, намереваясь стрелять; но Ледовской, зная что за фальшивую тревогу плоха разделка, как старший распорядился отнять оружие и связать руки несвоевременно разджигитовавшемуся дурню. Таким образом они доехали благополучно до кургана, верстах в трех от станицы Лабинской, где был постоянно дневной пикет, который уже съехал, но секреты еще не залегли. В это время из опушки леса над Лабой, откуда нельзя было ожидать своих, показались одновременно три партии человек по десяти и более, быстро несшихся и старавшихся окружить казаков, причем один горец так опередил товарищей, что почти налетел на команду, но поплатился за то жизнью: подгулявший джигит-казак, которому, при виде опасности, развязали руки и отдали винтовку, ловким выстрелом ссадил его с коня. В этот же момент остальные [193] линейцы быстро спешились около убитого, сбатовали коней и, составя таким образом живую ограду, положили на седла винтовки и условились стрелять не разом, а через ружье, и стрелять только почти в упор, так как быстро наступавшая темнота не давала возможности целить в даль. Вероятно боязнь произвести тревогу в станице удержала хищников сделать залп, а вслед затем броситься, по обыкновению, в шашки. Надеясь на свою численность, они окружили казаков и, как было видно, начали совещаться; затем несколько человек, спешась, начали подползать; но казаки не дремали: винтовки на седлах противу конных, винтовки севших на землю промеж коней для ползунов, держали горцев на благородном расстоянии. Казаки, зная по опыту, что заряд в дуле то же что голова на плечах, не открывали огня. Разбойничья натура не выдержала: горцы, выстрелив, бросились в шашки, но меткие выстрелы положили трех. Выстрелы эти, за сильным ветром дувшим от станицы, не были ясно услышаны часовым на вышке (Вышка есть крытая на столбах беседка, высота которой, смотря по местности, бывает более 40 аршин. Вышка имеет для входа лестницу, и во время тревоги на флагштоке часовым, после выстрела из ружья, выкидывается днем флаг, а ночью красный фонарь); сверкание же их казак считал за огоньки на горевших кучах навоза, который, как ни к чему непригодный, у нас вывозится и сожигается за станицей. Несколько раз возобновляли горцы по частям нападения, но безуспешно, платя всякий раз жизнью или раной товарища. Убитые лошади казаков составили бруствер, из-за которого лицейцы производили верный и меткий огонь. Видя упорство казаков, которые как будто были заколдованы от пуль, горцы сделали залп и бросились в шашки всею уже массой. Этот звук, более ясный, и постоянное сверкание огня на одном и том же месте заставили вышкового поднять тревогу: сверкнул выстрел, и едва затих его гул, как поднятый

красный фонарь на флагштоке вышки встрепенул станичников. Между тем молодцам нашим приходилось уже плохо; но в это время орудийный выстрел с станичной батареи и осветившаяся местность от факелов несущейся дежурной сотни заставили разбойников спасаться врассыпную. Команды, выскакавшие на тревогу, бросились преследовать бегущих, стараясь сбить их на те броды, где были секреты и натянутые тенетные путы (Путы эти состояли из длинных веревок, скрученных из лык, привязывались в несколько рядов по деревьям, между которыми вилась дорожка к броду, на разной высоте, и оставались на земле до тревоги или переправы неприятеля на нашу сторону; тогда они подымались и привязывались туго секретными к противоположным деревьям, что составляло в несколько рядов барьеры. Неприятель, особенно в темноте, налетал на них и падал с конем). **[194]**

Дело вполне удалось и 23 тела остались в наших руках. Казаки выдержавшие более часа далеко неравный бой, были все поранены, так что каждый имел от трех до семи ран.

За этот подвиг приказный Ледовской произведен в урядники, а товарищи его получили награды по 5 рублей. Они все выздоровели и один только не мог поступить в строй: так его покалечили. Долго горцы дивились, передавая друг другу эту схватку, и, по своему верованию в заговоры, не хотели допустить мысли, чтобы казаки перераненые так долго держались. Названье «шайтан-казук», то есть «чорт-казак», было самым лестным прозвищем Ледовского и товарищей.

III.

КАЗАЧКА СЕРДЮКОВА.

Анна Сердюкова была девка лет 16, рослая, стройная, красивая, и не один станичник и наш брат благородье засматривались на черные огненные ее очи и роскошную русую косу; но строгий суровый казак-отец держал ее, как говорится, в ежовых рукавицах, так что баловаться не приходилось, несмотря на вообще далеко нестрогую нравственность станичного прекрасного пола. Подвиг, совершенный Анной, выходит из ряда обыкновенных и рельефно выставляет те условия, среди которых вырабатывались характеры, вращалась жизнь и воспитание казачества. Осенью, в сороковых годах, в праздничный день, вечером, Анна, с братом своим, мальчуганом лет одиннадцати, отправилась за станицу на свой огород, крайний к Лабе, и, как следует доброй хозяйке, до того углубилась в уборку овощей, что только крик брата заставил ее оглянуться, и можно представить ужас девки, когда она увидала пятерых горцев, бежавших к ней. Страх отнял язык; но ноги еще не изменили и она бросилась бежать по хайвану (Хайван — главная дорожка в виноградных садах и огородах, которые, быв обнесены плетнем из хвороста, имеют всегда густо накладенный терновник наверху, в защиту от воришек, и, служа своего рода укреплениями, не раз спасали жизнь) к калитке, между тем как казаченок с своим ружьем, забившись в кусты под забором, выглядывал сурком на эволюции сестры и джигитов, боясь не только выстрелить, но и крикнуть. [195]

Ужас окрылил Анну: она не бежала, а летела, и хищник, ближе за ней гнавшийся, боясь поднять тревогу и упустить лакомую добычу, на бегу бросил кинжал в свою жертву; но

судьба не дала ей погибнуть: кинжал, пролетев с боку, воткнулся далеко впереди Анны. Приостановясь инстинктивно, она схватила упавший кинжал, держа его острием назад. В это время горец набежал и охватил ее, но, каким случаем, она сама не помнит, кинжал прошел на вылет через живот хищника, повалившегося вместе с ней. Страх придал силы вырваться из этих далеко немилых объятий, но сбил с толку, и Анна бросилась не к калитке, а на забор, и, ухватясь за него руками, хотела перескочить... В этот момент, другой набежавший горец шашкой рассек ей зад (хотя и не глубоко). Боль и страх ошеломили бедняжку... она опомнилась уже за Лабой, сидя за седлом, привязанная ремнем к поясу всадника. Их было пятеро, убитого же везли перекинутым через седло. Отъехав на значительное расстояние от Лабы, горцы остановились на ночлег, развели костер и...

За-полночь горцы улеглись спать, и так были уверены в своей безопасности, считая себя уже дома, что не только не связали пленницы, но даже не очередовались караулом: эта-та оплошность спасла Анну, лежавшую возле вожака.

Великолепная кавказская ночь, озаренная полной луной и окружающая тишина, нарушаемая только сильным храпом джигитов, успокоили душевное волнение пленницы. Невзирая на физическое изнеможение, она тихо приподнялась, с намерением бежать; страх быть настигнутой дал ей решимость: придерживая одной рукой ножны, казачка вынула кинжал у вожака и мгновенно всадила ему в горло. Горец не успел даже пикнуть, так был силен и ловок удар.

Вид крови ошеломил и обезумил девку: она схватила шашку и пистолет убитого, принялась рубить спавших и прежде, чем они пришли в себя и поняли в чем дело, еще трое поплатились жизнью. Последний успевший вскочить на ноги, видя кровь и убитых товарищей, под влиянием панического страха, так потерялся, что бросился как угорелый бежать; но остервенившаяся Анна погналась за ним и выстрел положил и его на месте.

Не раздумывая долго, Анна обобрала, по обычаю горцев и казачества, оружье и одежду с убитых, переловила стреноженных коней, побатовала их и, навьючив их трофеями своей победы и мести, утром добралась до Лабы, выше станицы верстах в семи **[196]** или восьми. И не странно ли, что, совершив уже столько, она не решилась переплыть Лабу, так ей страшна показалось переправа через ревущую и летящую стрелой реку. С противоположного берега пикет увидел татарина с конями (Анна переоделась и вооружилась горцем), и полагая встретить мирного или бежавшего от своих горца, переправился и доставил казачку с трофеями в станицу.

Недолго хворала Анна в госпитале, хотя следы остались на всегда. Вскоре появилась она снова между станичниками, такая же бойкая и говорливая, как была прежде. Золотая медаль за храбрость на георгиевской ленте, пожизненный пенсион в 50 рублей сер., и золотой браслет — подарок главнокомандующего, князя Воронцова, были наградами ее необыкновенного подвига.

IV.

УРЯДНИК ПОДРЕЗОВ.

Самая личность Подрезова была уже замечательна: высокий, широкоплечий, стройный детина с геркулесовской силой, с бородой по пояс, с сверкающими плутовскими глазами и сатанинской улыбкой, не сходившей с губ, невольно внушал почтение горцам, ценившим выше всего силу, отвагу и плутовство на все руки, а этими великолепными качествами Подрезов обладал вполне. Давно уже он произведен в офицеры, но имя, данное уряднику, «Гришка Отрепьев», осталось за ним. Закоснелый раскольник по вере, он был далеко не безукоризнен в своих деяниях: обмануть, надуть — лишь бы от этого была какая-нибудь личная польза — составляли девиз молодца. Но нередко и в этой мрачной трущобе проявлялись светлые точки рыцарства, великодушия и даже честности, хотя и на свой лад.

В первые годы населения линии, во время весенней пахоты, горцы, вопреки своего обыкновения тревожить казаков сборами партий в разных пунктах, как бы затихли. Эта ложная тишина если не совсем обманула, то успокоила тогда еще не осмотревшуюся горсть станичников, и расчет хищников, казалось, был верен: они хотели обмануть и усыпить бдительность тишиной, потом напасть на несколько пунктов разом и разъединить и без того незначительные силы к обороне. Вышло, однако, не так: лабинцы доказали, что не посрамят старого казачества. Партия хищников, до тысячи человек, неожиданно напала на плуги [197] пахавших жителей станицы Лабинской, тогда как другие сильные партии угрожали станице Вознесенской (Надо заметить, что горцы правого фланга, как более зажиточные, никогда не собирались в набег пешие, разве какой-нибудь шальной «бей-гуш», т.е. бедняк, пускался очертя голову. Дрались вообще более стойко и отважно, нежели чеченцы, мечиновцы, тавлинцы и лезгины, как на открытой, так и на лесистой и пересеченной местности, и по *шавдонам*, т.е. болотам, что можно отвести к исправному вооружению и доброму коню, и к более или менее сытому желудку. Самое управление их не было так деспотично, как управление Шамиля: князья, и впоследствии шейх Амин-Магомет, пользовались только влиянием на умы, а не на благосостояние горцев, и последние необязаны были кормить пришлецов, как чеченцы, дагестанцев — мюридов Шамиля). Завязался одиночный, отчаянный бой и две местные сотни, несмотря на бешеную храбрость, были подавлены численностью неприятеля: прежде чем пехота подоспела в дело, много уже было побито и захвачено в плен (по большей части женщин и детей). Среди этой свалки, Подрезов дрался как сущий черт, и его пример увлекал не одного; но все усилия оставались тщетны и наши лишились человек с полсотни, хотя и горцы, в свою очередь, понесли значительную потерю. Захватив добычу, стали они отступать, гоня скот и несколько пленников, под прикрытием лучших своих джигитов. Наш Гриша не выдержал: надел папах на винтовку и, подняв ее, махнул над головой в знак вызова на единоборство (Этот маневр всегда употреблялся охотниками подраться с обеих сторон, подобно тому, как рыцари бросали перчатки); навстречу ему выскакал джигит — как теперь вижу, в белом папахе, белом чекмене и на белом коне (Абреки и джигиты, как давшие зарок ничего не страшиться, имели по преимуществу белую одежду и коня, чтобы и ночью быть более заметными). Быстро слетелись враги, сверкнули выстрелы и оба коня грянули наземь. Вскочили на ноги противники, бросились друг на друга с шашками, но, по незнанию правил фехтования, рубка с плеча не могла долго длиться: шашка Подрезова разлетелась в куски, а у горца вылетела из рук. Одно только мгновение стояли ошеломленные враги и, как бы сговорясь, бросились друга на друга.

Бой с обеих сторон, казалось, притих; внимание всех сосредоточилось на борющихся — и, по-истине, было чем полюбоваться. Сила была на стороне Подрезова, ловкость на стороне горца. Несколько мгновений они крутились по земле, и то тот, то другой был наверху — и все втихомолку; наконец Подрезов, окровавленный, поднялся на ноги с кинжалом по рукоять в боку; горец же не поднялся. Раздался с обеих сторон гик (Ги, гик, пронзительный звук, заменяющий ура, употреблялся и нашими, и горцами), закипела борьба за тело горца (Тела горцы стараются привести домой семейству убитого, а иначе аульные кунаки, т.е. товарищи-друзья, обязаны содержать до возраста семейство, убитого: это адат, т.е. старинный обычай; вот причина, почему горец нередко сам скорей ляжет мертвым, чем оставит тело в руках врага), [199] задавленного руками Подрезова, который, в это время, отошел назад, осторожно вынул кинжал, захватил полами бешмета раны и, шатаясь, поплелся в станицу. Придя к нашему медику Золотареву, Подрезов упросил перевязать рану на дому, не соглашаясь никак лечь в госпиталь. Раны были зашиты и забинтованы. Подрезов успел-таки у экономки доктора выпросить стакан водки и, вместо того чтобы лечь в постель, поймал шлявшуюся по станице лошадь убитого казака, сел на нее и, выскакав за станицу, примкнул к своим, верст за семь от станицы перестреливавшимся с горцами. Горцы думали уже торжествовать удачный набег, но горько разочаровались. Все резервы укреплений, постов и станиц Чамлыкской и Урупской линии, переправясь ниже места боя за Лабу, и следуя один за другим по сакме (Сакма — след на траве или песке, по которому всякий почти казак скажет наверное, сколько коней или людей прошло и давно ли), пробрались незамеченными наперерез неприятеля, залегли на пересеченной местности и дружным ударом отбили скот, пленных и жестоко отплатили за смерть товарищей: более 30 тел было притащено в станицу.

Примкнув к своим, как уже сказано, Подрезов ухитрился выстрелом убить еще горца, поймал его лошадь и тогда уже, изнеможенный и растревоживший раны, этот дуб повалился с коня. Через два с небольшим месяца Подрезов выписался из госпиталя и опять был на коне, как будто ничего и не случилось особенного, кроме получения Георгиевского креста, которым был награжден за это дело.

В том же году, в декабре, в сильную метель, как лучшую помощницу для набега, Подрезову приказано было отправиться, с десятком пластунов, за реку Белую для пригона высмотренного у махошевцев конного табуна, голов в 500; для охранения, при возвращении с табуном команды, было выслано по две сотни казаков на реки Чахрак, Ходз и Псефир и три сотни со взводом конной артиллерии и конно-ракетной командой на реку Белую. Почти перед светом, отряд, пройдя до 80 верст, по «одометру» (Почти у всех орудий на Кавказе к колесу прикреплялся одометр, аппарат, определяющий оборотом колеса пройденное пространство), остановился в лесу, на правом берегу Белой. Под прикрытием с берега, Подрезов, с пластунами и с несколькими казаками, переправился за Белую, несмотря на сильно шедший по реке лед. Долго [200] шли пластуны по приметам, но, буквально ослепляемые метелью, сбились с пути, и только случай наткнул их неожиданно на другой табун, голов в двести. Посоветовавшись между собою что делать, решили захватить хотя эту добычу. При обходе табуна, они наткнулись на пятерых спавших в кустах табунщиков. Вмиг четверых не стало, но пятый успел ускользнуть в чащу леса и поднял своим криком и выстрелами тревогу. Это обстоятельство заставило казаков поторопиться: быстро обежав табун скученный непогодой, накинув на удачу

арканы и надев взятые с собой уздечки, они повскакали на коней. Казачья натура живо узнает достоинство скакуна — и вот один пластун пустился вскачь к Белой; несколько выстрелов и гик шарахнули испуганный табун, а он понесся, как ураган, за скакавшим впереди, подгоняемый криком и выстрелами скакавших по бокам и сзади. Белая, видная со взгорья, уже сверкала близко; но недалеко неслись и сторожевые из аула горцы: надо было позадержать их, и для того Подрезов сам-пят повернули коней навстречу. Горцы, ослепляемые метелью прямо в лицо и озадаченные несколькими удачными выстрелами, не зная силы врага, остановились; этого только и было нужно: табун с раскоку ринулся за вожаком прямо с кручи, и страшная пена от взбрызг бешеной реки точно пыль поднялась и закрыла берег. Еще полчаса — и кони пронеслись, минуя отряд, как бешеные, прядая, фыркая и обгоняя друг друга, преследуемые гиком и выстрелами казаков, заменивших пластунов; вместе с ними и Подрезов, несмотря на принятую ванну в Белой, продолжал охранять табун, до самой станицы скача без седла. Метель с рассветом поунялась и летучий отряд не торопясь отступал от Белой, изредка посылая гранату, ядро или ракету собиравшимся со всех сторон горцам. Соединившись с сотнями на бродах Псефира и Ходза, казаки на Чахраке вдруг перешли из отступного в наступательный порядок, и быстрой атакой отбросили гнавшихся в пустой след табуна горцев. К закату солнца отряд возвратился в станицу с незначительной потерей. Из 170 отбитых коней, за наделом пластунов и частей отряда, а также за заменою выбывших из строя в набеге, 70 штук было отправлено в барантовую комиссию (В крепости Прочный Окоп, при штабе начальника фланга, была учреждена барантовая комиссия, распоряжавшаяся продажей отбитого у горцев скота).

Подрезов с товарищами, получив свой пай, крепко сердились на метель сбившую их с пути к большому табуну, [300] ускользнувшему от рук по ее милости. Да оно и логично: опасность ведь та же, а добыча была бы вдвое.

V.

НАБЕГ.

Начальник фланга, генерал Ковалевский, в 1847 году сосредоточил значительный отряд, для наказания горцев, в станице Некрасовской (Некрасовская станица поселена в семи верстах от Усть-Лабинской, близ бывшего укрепленного стана некрасовцев, остатки которого еще сохранились: видны раскаты, батареи, потерны, ров и вал). Я, с пятидесятью пластунами, был послан вперед разведать и высмотреть, где и как было бы удобнее нанести более вреда.

Отправясь с вечера, мы наткнулись на горские коши: блеяние овец и мычанье рогатого скота удостоверили нас в огромном их количестве. Оставя наблюдать за кошами пятерых и послав в станицу двух, мы пошли дальше к долинам Черных гор, как главному центру населения, и, чтобы скрыть свою сакму, высмотреть большее пространство, а также сбить с толку неприятеля, разделились на партии от 3-6 человек, условясь сойтись на месте нашего разделения. С собой я взял троих и, несмотря на свое командирство, охотно подчинился опытности пластуна Мандруйки. Первые лучи солнца, показавшиеся из-за гор, осветили нас на кладбище (Большая часть азиатских кладбищ расположены на

высотах или на отдельных курганах; памятники из грубо-обделанного камня становятся торчмя; сверх того, над убитыми в делах ставятся шесты в роде значков и бунчуков). По совету Мандруйки, чтобы лучше высмотреть окрестности аула, я пополз со всеми предосторожностями на вершину и уже хотел подняться из-за камня на ноги, как встретился лицом к лицу с горцем, не менее меня удивленным и озадаченным. Зная по опыту, что «який-сь не схоменувся, тии пропаде, як бисова католицка вира, та ще и га», (В переводе: кто не спохватится вовремя, тот пропадет, как католик, да еще и хуже) (это не раз говорил незабвенный мой наставник в пластунстве и верный преданный слуга в доме, Мандруйко), я быстро вскочил на ноги и ударом шашки раздробил башку своему партнеру в игру на жизнь и смерть. Отобрав оружие убитого и высмотрев местность, я присоединился к товарищам, возвратившимся к кладбищу со своих более или менее удачных рекогносцировок. **[201]**

Поговоря и посоветовавшись, мы уже думали пробраться лесом и за доброго ума возвратиться ко своим на сборный пункт, как вдруг услыхали вдали за собой орудийные выстрелы и ружейную перепалку. Раздумывать было нечего, да и плохо было оставаться на встревоженной местности; мы пустились в перегонку, прислушиваясь к выстрелам нашего отряда, и, пробежав по лесной трущобе, высунув языки не хуже гончих, верст 5-6, попали в самую жаркую свалку в ауле, занятом уже нашими. Кругом горящие копны сена и хлебов, зарево и глухая частая пальба с аккомпаниментом орудий, сказали сами за себя об участи аулов и кошей, осмотренных по пути пластунами, которые стали вожаками частям отряда посланным для истребления. Отбившись от своих товарищей, я забрался в старую башню или отслуживший минарет и, стоя на лестнице, принялся постреливать из своей пластунской нарезной двустволки по выбегавшим из горевших саклей горцам.

Охота эта надоела мне однако, да и пора была убираться: аул уже почти весь пылал. Только что я начал спускаться по спиральной искалеченной лесенке, как увидел гололобого оборванца, прицелившего снизу в меня винтовку и готового спустить курок, как только появится моя особа в более удобной позе. Дело было дрянь; но, вспомнив уловки Мандруйки, я не потерялся и, подавшись немного назад, с размаху прыгнул прямо на голову горца, ждавшего меня на извороте лесенки. По совести скажу, что этот сальто-мортале совершен был мною далеко не по расчету, а безотчетно, инстинктивно, в виду неизбежной гибели. Горец, неожидавший такой нахлобучки, полетел стремглав вместе со мной считать ступеньки и растянулся на полу без чувств. Опомнившись и осмотревшись, поблагодаря Бога, что не вывихнул ничего и не переломал костей, я махнул кинжалом по горлу своего противника, не тронув оружья, опрометью выбежал из этой чертовой обсерватории, и скоро наткнулся на Мандруйку, искавшего меня. Хотя мне было далеко не до смеха, но я не мог удержаться, увидев эту рожу в крови, в порохе, с поднятыми на лоб бровями, разинутым зевом и вытаращенными глазами, когда я, его «серденко», как он называл меня в припадках чувствительности, т.е. когда выпивал чуть не гарнец горилки, предстал перед ним оборванный, замаранный в крови и пыли всех оттенков.

Видя мой смех, этот добряк-зверь успокоился и, обозрев мою персону, сказал: «дурень каже дурень, та и годи»; но, спохватясь, [202] добавил: «а ну-те ходимо». — Скоро мы выбрались за аул! и присоединились к отряду.

Отдав подробный отчет генералу об осмотре нами местности доступной и более скрытой для подступа к аулам, равно и мест, где можно ожидать засад и секретов (все эти пункты я обязан был обозначить на карте глазомерной съемки), я получил позволение отдохнуть до ночи. Обмывшись, перевязав ушибы, выпив и закусив, как следует доброму казаку, я уснул богатырским сном. Часу во-втором ночи меня разбудили. Отряд, разделенный на части, уже готов был к движению; вожаки из горцев (Часто немирные горцы сами сообщали о намерениях в горах, о сборах для нападения и водили отряды для разорения своих же; к этому руководило их не чувство мести, а деньги и подарки даваемые за услуги, на каковой предмет отпускалась довольно значительная сумма начальнику линии. Такого приятеля-вожака всегда брали на глазок: винтовка сзади следовавшего казака была всегда готова ссадить его с коня) и пластунов были в голове каждой колонны. Генерал, объезжая отряд, отдал последние приказания.

В грозной тишине, как нависшая туча урагана, тронулись войска. Нигде ни слова, ни огонька; орудийные и ракетные пальники в чехлах; только глухой гул копыт и колес, как дальний водопад, отдавался в ущельях гор.

Ночь была пасмурная; кругом нависли тучи; резкий ветер гудел в ущельях, гоня перед собою серый туман; казалось, сама природа негодовала за нарушение ее покоя.

Так мы прошли по пересеченной местности верст около двадцати. Главный отряд остановился, а части, назначенные для истребления аулов, кошей и хлебных запасов, в той же тишине тронулись каждая за своим вожаком. Я вел отряд основателя и начальника линии, полковника Волкова, незабвенного нашего героя-рыцаря sans peur et sans reproche, уважаемого всеми и грозного врагу. Маскируемые воем ветра, по лесным ущельям мы, незамеченные, приблизились к сильно-укрепленному большому аулу, расположенному в глубокой лесистой балке, и остановились над ней. Как змеи поползли пластуны... весь отряд превратился в слух: удачно ли снимут неприятельские секреты и не ошиблись ли пластуны местами их залога. Гробовая тишина тянулась около часу; но вот долетевший по ветру слабый крик и стон в нескольких местах сказали отряду, что все кончено для караульных. Затем в разных пунктах завыли шакалы (Для передачи условных сигналов пластунами и вообще казаками употреблялось подражание зверям и птицам, и они так искусно это делали, что трудно было различить от настоящих звуков), и по этому [203] сигналу отделились две сотни и повелись вправо и влево, обскакать кругом аул, чтобы отрезать возможность к побегу. Между тем, казаки, спешась и побатовав, передали коней коноводам и, как тени, спустились в балку к палисаду, ожидая сигнала ворваться в аулы. Томительно тянулись минуты ожидания... и только с первым появлением предрассветной зари, взлетела сигнальная ракета; за ней вслед дрогнула окрестность, потрясенная залпом дивизиона орудий — и эхо покатилось перекатом по ущельям. Не одно сердце забилось сильней в груди; но раздумывать было некогда: прежде чем запылало несколько саклей от гранат и ракет, казаки были уже за палисадом и началась резня. Испуганные неожиданностью нападения, и притом спросонья, горцы метались как угорелые, однако, скоро опомнясь, дрались и отбивались отчаянно. В час времени все уже было кончено для аула и его жителей, а сколько произошло в этот час отдельных сцен, страшных, отчаянных, ужасных, а иногда и смешных!.. Везде искалеченные трупы, между которыми линеец очень спокойно обирал что попадалось под-руку. Вот тут-то и было много

смешного, когда, рискуя жизнью, несколько казаков ссорились до драки за какое-нибудь старое одеяло, в котором больше известных беловатых животных, чем ваты и стежек. Но затихла дробь выстрелов в пылающем ауле; только изредка слышится одиночный звук, раздающийся уже за аулом; прошла резня, и казаки с добычей, сколько достало сил захватить, бросились к коням. Пехота залегла по лесу, началось общее отступление.

Немного собралось горцев из соседних аулов провожать непрошеных гостей; многие аулы понесли почти одну участь с Муртузали.

Возвращаясь на соединение с главным отрядом, мы пожгли все хлеба и сено горцев, пригнали баранту, скот и коней.

Около полудня возвратились все отдельные отряды, приведя более сотни пленных, пригнав до 5,000 баранов и сот пять рогатого скота и лошадей. Развели костры, закипели котлы и явилась круговая чарка-чародейка; пошли разговоры и неизбежная похвальба подвигами; поднялся смех и слышалась подчас ловкая острота над хвастуном или наивным новичком... Только раненые охали да кряхтели в руках эскулапов и их ассистентов.

Набег вполне удался, благодаря употребленной хитрости — [204] собрать за несколько дней, в середине и в верховьях линии, сильные отряды, тем более, что накануне, после сожжения кошей, отряд отошел по направлению вверх по Лабе. Все это вместе обмануло горцев: они никак не ожидали нападения в низовьях реки, твердо веруя в недоступность своих логовищ, ибо до тех пор никогда не бывало нападения отрядов в направлении от Черных Гор.

Потеря наша была, убитыми и ранеными, человек до сорока, да около сотни лошадей.

Весело возвратились к вечеру в станицу. За удачный набег вышли награды; на долю пластунов назначено было четыре георгиевских креста. Собрались товарищи, посудили, порядили, и как ни хотелось всякому иметь крест, но нужно было выбрать только четверых. счастливцев, в числе которых единогласно избрали меня и Мандруйку. Я сам чувствую и сознаю, что недаром добыт мною этот знак отличия военного ордена; вдвое горжусь тем, что он мне приговорен единодушно такими специалистами в деле охоты за горцами, как бывшие пластуны.

VI.

СВАДЬБА В КАБАРДЕ.

В 1846 году, незадолго перед вторжением Шамиля в Кабарду, я стоял со взводом конной казачьей № 14-го батареи на Змейском посту, в нескольких стах саженях от старого минарета, знакомого всем тем, кто проезжал по военно-грузинской дороге. Все кругом было в волнении, в ожидании скорого прихода Шамиля; слухи об огромном сборище и о решительных его намерениях давно уже ходили между горцами. Кабарда имела тогда слишком слабые резервы, и нам велено было начальником центра, князем Голицыным,

быть осторожными и готовыми во всякое время оставить пост и присоединиться к своим, смотря куда будет удобнее и безопаснее. Осторожность эта не прервала, однако, наших частых сношений с кабардинцами и взаимные визиты не прекращались. Поэтому я и сотник С-в не отказались от приглашения князя К...ва на свадьбу его сына. Зная хорошо соседей, мы распорядились на всякий случай и, поручив каждый свою часть надежным помощникам, отправились за Терек в аул князя, предварительно высыпав весь порох из хазырей и натрусок, так как горцы непременно стали бы просить пороху: дать его, [205] значило бы дать на свою голову; отказать же хозяевам, не заслужив их вражды, не было никакой возможности. Приехав в аул только с вестовыми, мы были встречены в кунакской самим князем и введены с почестью в среду гостей. Явились муллы, кади, ефенди, музыканты, жених и его товарищи-поезжане, и все перешли в главную саклю князя. После молитв духовенства и благословения молодых, начался обеденный стол; молодые, окруженные каждый своими друзьями, заняли почетные места. Свадьба молодого князя была во многих обрядностях далека от прежних обычаев и всем тогда резко бросалась в глаза; но старый князь К* всегда был эксцентрик, а его богатство и слава были могущественны по влиянию на народ, и потому никто не смел осудить, а тем больше заметить о нарушении старых обычаев. Гости уселись, кто на тюшеки, т.е. подушки, покрытые коврами, кто просто припал на корточки, где кому пришлось удобнее, соблюдая, впрочем, уважение к старости, роду и заслуге. Все принялись терзать руками и ножами неприхотливую и далеко негастрономическую стряпню горской кухни, запивая аракой и бузой. По окончании обеда, гости порядком развеселились, перешли в кунакскую, где уже ожидали музыканты. Началась пляска: молодая, стройная и прекрасная, как гурия, танцевала лезгинку; молодой, скрестив на груди руки, стоял напротив ее и жадными глазами следил за сладострастными, дикими и грациозными движениями своей возлюбленной. В самом разгаре танца, старик-кабардинец, стоя за мной, сказал, коверкая слова: «тебя любят оба князя; наш адат велит; если хочешь почтить молодых, выстрели из пистолета под ноги молодой; но храни тебя аллах, если ее ранишь». Стреляя порядочно из пистолета и, желая похвастать как знанием приличий, так и стрельбой, и при том, как небольшой охотник до арака и бузы, находясь совершенно в нормальном состоянии, я выстрелил и пуля впилась в пол сакли у самых пальцев ног красавицы. Она едва вскрикнула от неожиданности привета и снова понеслась как серна, стройно и величаво. Оглушительное «джигит Палон» («Молодец Аполлон». Горцы вообще редко называют по фамилии, а более по имени, и меня из Аполлона перекрестили Палоном) были наградой моей ловкости и любезности; дружески кивнул головой и молодой князь; светлая улыбка красавицы мелькнула на роскошных розовых ее губках... Я торжествовал, вполне довольный собой. В это время порядочно подкутивший С-в, выхватив из-за пояса пистолет, вздумал тоже побравировать, но не суждено было тому исполниться, [206] и другая ждала награда уже не его одного, а нас обоих. Пистолет осекся; он взял его левой рукой за ствол, взвел курок и только что стал насыпать на полку порох из обязательно-предложенной натруски, как раздался выстрел. Пистолет выпал из руки оторопевшего С-ва... молодой князь, стоявший прямо против дула, с тихим стоном упал без жизни, не отняв даже рук от груди — пуля попала ему в самое сердце. Отчаянный вопль красавицы, бросившейся на труп мужа, был заглушен ревом сотни пьяных горцев; ненавидевших в душе русских: сверкнули кинжалы и шашки, и плохо бы пришлось обоим нам на этой кровавой тризне, превратившей разгул свадьбы в похороны. Я отступил в угол, выхватил кинжал и шашку, и решился недаром продать жизнь. С-в уже

был сбит с ног. Но в это время старый князь К* явился нашим спасителем. Бледный, как смерть, дрожащей рукой он поднял пистолет и видя, что курок на первом взвод, а полка откинута, вмиг сообразил, что у С-ва не было злого умысла убить его сына, а что это дело судьбы, предопределившей его участь. Дрожащим от волнения и слез, но все еще могучим и сильным голосом, старик, гордо и величаво окинув взором собрание, сказал: «аставар» (Остановитесь). Все, как будто под влиянием волшебного жезла, вдруг стихли и обратили глаза на князя. Подойдя к С-ву, он спросил: «давно-ли заряжен был пистолет», и на ответ «более месяца» грустно покачал старик головой. «Через этого человека», сказал он, обращаясь к своим, «великий Бог совершил непреложный закон своего предопределения; старый слежавшийся заряд тлел в стволе, и в нем была смерть моего единственного сына. Не виню неверного в умысле; он был: друг мне и сыну; мы давно ели с одной посуды и не раз доказали взаимную приязнь; но теперь между нами кровь и я один имею право канлы (Кровавая месть за убитого; впрочем коран допускает выкуп крови и взамен жизни можно откупиться презренным металлом). Немного погодя, старик, уже менее твердым и звучным голосом продолжал: «Радость и горе посылаются Богом и святым его пророком. Друзья, я собрал вас разделить радость, но горем я не делюсь и прошу теперь, дайте отцу, матери и молодой вдовице посетовать и не мстите невинным: они рука Провидения, а не злодеи; об них я сам распоряжусь». Понимая по-кабардински я передаю речь почти буквально; она глубоко запала мне в памяти. Гости с угрозой и упреком взглянули на **[207]** нас, но молча разбрелись по знакомым аула. Радость и веселье княжеской семьи, так трагически кончившиеся от неосторожности подкутившего С-ва, тяжело отозвались во всех сердцах. Как только вышли гости, князь нам велел следовать за собою, и мы, грустные и встревоженные пришли в небольшую новую его саклю. Молча он нас оставил там и запер на замок; но не прошло и часу, как явился его уздень (Уздень — дворянин, вассал князя. Уздени разделяются на степени первую, как наши столбовые дворяне, и на вторую — личные) и ввел наших вестовых и человек десяток горцев, вооруженных с ног до головы. Горцы расположились у дверей, не выпуская винтовок из рук. Это начало поколебало было в нас веру в рыцарство князя; но оставленное оружие у вестовых и у нас давало надежду продать дорого свою жизнь или, по крайней мере, свободу. Можно представить себе, как провели мы время до утра и какие картины рисовало наше услужливое воображение. Утро разрешило задачу: караул был приставлен единственно для ограждения нас от мести и оскорблений аульных жителей и гостей-кабардинцев. Всегда искреннее и глубокое чувство уважения останется у меня к памяти старого князя К*, который не поддался влиянию чувств мести и ненависти, так свойственных мусульманскому изуверству и дикой натуре горца. Князь нас сам проводил до переправы на Тереке и, прощаясь, сказал: «Да хранит вас ваш Бог! Я вас не обвиняю в смерти моего сына, и потому отпускаю не как врагов, а как орудие, посланное Богом наказать меня. Советую, перейдите на службу подальше отсюда: будете подальше от мести каждого кабардинца. Пистолет твой, С-в, я не могу возвратить; наш адат велит оружие крови иметь у себя, но вот тебе взамен мой, а тебе, Палон, мой кинжал; прощайте». Сказав это, благородный старик взмахнул нагайкой и как стрела полетел к аулу.

С невыразимой грустью вернулся я на пост и, как ребенок, плакал и молился; но я не стыжусь тех чистых, святых чувств, и многое в немногие мгновения пережила душа, тогда еще неотравленная неверием.

Через два дня Шамиль уже был в Кабарде; крепость Нальчик едва устояла; часть кабардинских аулов присоединились к Шамилю; но слабые силы наши окрепли, закалясь в опасностях боя настолько, что скопища имама были несколько раз разбиты на Тереке и, наконец, прогнаны с позором генералом Фрейтагом, полковником Ильинским и Левковичем, в отряде которого [208] я дрался близ минарета, с утра до вечера. Будет время, и я расскажу об этом геройском и славном деле полковника Левковича, с его 4-м тенгинским батальоном, где один дрался против более чем десятка горцев.

Благородного старика князя К* не привела судьба мне более видеть: он в числе немногих не изменил и в преданности России, как был неизменен в дружбе.

VII.

БОЕВЫЕ РАКЕТЫ.

По сформировании на правом фланге конно-ракетных казачьих команд, ракеты в первый раз были употреблены в дело при отступлении от разоренных аулов Бек-мирзы и Изиго, жестоко наказанных за измены и разбои начальником лабинской линии В-вым. Грозно и стройно отступал отряд, преследуемый собравшимися толпами горцев, понесших огромную потерю. Массы конных и пеших завели перестрелку, наседая на арьергард и на боковые цепи. Атаки их были отбрасываемы картечью; но раздраженные горцы росли как грибы после дождя и роились как комары перед непогодой, ежечасно увеличиваясь вновь прибывающими. Так прошли теснину Шайтан-агач (Чертова верста, горное название ущелья) квадратных верст, окаймленная с двух сторон густым лесом и высившимися гранитными уступами Черных Гор. Эти вековые гиганты страшно зияли пастями своих ущелий, дымившихся туманом; впереди нас долину замыкала теснина, и чтобы не дать занять ее горцам, В-в приказал отбросить их непременно еще в долине. Усилился артиллерийский огонь в цепи; но горцы, на время отбитые, с новой энергией бросались вновь и вновь, тесня нас и стараясь; во чтобы то ни стало опередить отряд и занять ущелье. В-в, видя, что дело может принять не совсем хороший оборот, велел мне выдвинуться за цепь с моей ракетной командой в полном ее составе (Состав был из 54 станков, 24 на штативе из железа с желобком и 30 деревянных колодок, ползунов) (до этой минуты команда шла в главной колонне, скучая бездействием). Встрепенулись молодцы, обрадованные случаем представиться и заявить о себе гололобым хозяевам, так назойливо угощавшим гостей.

Сомкнувшись в густую колонну, на полных рысях, **[209]** выдвинулась за цепь команда. Горцы, сгруппировавшись в густые кучи, с удивлением смотрели, что за диво, что сотни три донцев (Донцы стоят вообще во мнении горцев невысоко. Всякий новоприбывший на линию полк нес значительные потери от незнания новичками местности, образа войны и уловок неприятеля. Для отвращения этого, впоследствии смены делались через три года не полным составом полка, а половинным: это принесло пользу и горцы стали бояться грозных пик. Преимущественно же славились полки у нас на линии Ягодина, а на левом фланге Бакланова — грозы чеченцев) так смело идут в атаку, на массу более чем впятеро сильнейшую. Не торопясь, они готовились хорошенько пугнуть смельчаков, и нам отчетливо было видно, как стрелки, спешась и брося винтовки на погон левой руки,

привынули шашки. Еще минута — и колонна наша, пронесясь в карьер сажен сто, не укорачивая аллюра, развернулась фронтом и, как вкопаная, остановилась, имея невиданные треноги и чурбаны впереди; вслед за командой: «батареи залп!» пятьдесят четыре страшных чудовища, с огненными хвостами и густым дымом, врезались в массы горцев и пошла оглушительная трескотня от разрыва гранат. Не дав опомниться горцам, застланным густой пеленой дыма, я приказал производить пальбу через станок, возвыся угол для вернейшего действия снаряда, рассчитывая, что после губительного залпа горцы бросятся к лесу. За дымом, застилавшим сборище, мы минут десять не видали что сталось с горцами; но пахнул ветерок, и нам представилась страшная картина истребления: трупы людей и коней валялись на месте скопища, ускакавшего и рассыпавшегося по лесу, не подобрав даже, по обычаю, тел убитых и раненых товарищей. Поблагодарил нас задушевным словом обожаемый, незабвенный наш В-в, и отряд, нетревожимый уже решительно ни одним близким выстрелом, вернули на линию.

Потеря горцев, по словам лазутчиков, была огромна; долго после того они боялись нападать на донцев и, при виде пики, им все мерещилась ужасная ракета. Но и к этому чуду они привыкли, как привыкает человек ко всему; только кони их не мирились с ракетами и как вихрь уносили седоков, не слушая повода.

Вскоре после этого чертова боя, как выражались горцы, породившего тысячи догадок и предположений одно нелепее другого, мирные, уже слышавшие от своих земляков о новой урус-штуке, приехав на сатовку (Сатовка, мелочная торговля горцами с жителям линии, бывала обыкновенно в джуму, т.е. пятницу, чтимую мусульманами как у нас воскресенье. Они привозили свои произведения и менялись на наши зеркальца, иголки, сковороды, соль и разные побрякушки нехитрой работы. Эта ярмарка своего рода сближая горцев с нами, много влияла на смягчение нравов, и давала хорошую и выгодную торговлю для казаков. Приезжавшие горцы останавливались за станицей и не пускались в нее ни под каким предлогом, и потому были негодяи, которые надували их очень нечестно) и увидя на бывшем в то время [210] практическом ученье часть ракетной команды, действовавшей ракетами, спрашивали меня: «ей, Палон, скажи пожалуй, какой ево тут шайтан: стреляй — нет, пошел есть, стреляй там!» Долго не решались мои кунаки на предложение мое рассмотреть этого зверя; они не только взять в руки ракету, даже и близко опасались подойти к ней, полагая наверное, что шайтан, сидящий в ней, вмиг взовьется и унесет их не в рай к гуриям, а прямо в пекло к черту.

VIII.

КУНАК.

Слово кунак имеет так много оттенков, что передать все тоны и типы кунакства почти невозможно. Кунакство перешло к казакам, как и многое другое, из обычаев когда-то дружно живших с ними горцев. Кунак — друг, на жизнь и смерть; в более обширном смысле — хороший знакомый, приятель. Кунаки менялись между собою оружием и связь между ними была так крепка, что один из них часто платил своею жизнью за жизнь кунака, или выкупал его, идя сам в кабалу. Тело убитого кунака друг обязан был доставить семье; иначе он обязывался кормить ее до возраста сыновей и замужества

дочерей. Клятву кунаки произносили на коране с обнаженным оружием и тут же им менялись; затем между ними ничего не было заветного и они составляли в двух телах одну душу. Наши кунаки-казаки между собой меняются крестами, как и везде христианские названные крестовые братья; с горцами же кунакство скреплялось словом чести, в роде клятвы, а больше подарками по силам и средствам, причем если кунаку что-либо понравится, кроме заветного, т.е. выговоренного, то непременно должно ему подарить, и он взаимно обязан отдарить на тех же основаниях. Вот тут-то и начинается изнанка в сущности весьма почтенного и благородного обычая. Кто был менее совестлив, тот оставался всегда в барышах, и для, некоторых личностей кунакство было просто промыслом, средством приобретать хорошие вещи взамен дурных и жить на чужой счет. В 1848 году я имел в числе кунаков [211] узденя махошевского племени, Магомет-Билея. Плут большой руки был мой кунак и ловко умел выманить понравившуюся ему вещь. Раз как-то я подарил ему старинные серебряные часы с турецким циферблатом и репетиром. Мой кунак пришел в такой восторг, что, невзирая на всю степенность и солидность своей фигуры, выкидывал разные уморительные штуки, так что мартышка позавидовала бы его искусству; то пожмет репетир, то к уху приложит, то высунет язык, приложит к стеклу и уверяет, что так лучше слышит. Изъявления и заявления дружбы, конечно, при этом он сыпал щедрой рукой, не жалея ни слов, ни объятий...

Вдруг пропал мой кунак и несколько месяцев о нем ни слуху, ни духу. Говорили, что он наделал что-то между своими и бежал в горы во избежание канлы (кровной мести); но я мало верил слухам, зная хорошо, что канлы есть общий щиток мирных горцев при всяких плутнях. Предлог этот употреблялся ими часто для того, чтобы лучше замаскировать свой побег в горы, неминуемым следствием которого было участие в набегах и грабежах у нас на линии или за Кубанью, а потом, извиниться необходимостью по адату, быть в партии, где он если и был на лицо, то не только не поживился чем-либо, а даже ружья не вынимал из чехла. Было время, что все это сходило им с рук. Кунак мой был одним из лучших наших лазутчиков и зарабатывал немало денег своим ремеслом, меняя тайны правоверных на рубли гяуров.

Начальнику линии необходимость военных соображений указала осмотреть верховья обоих Тегеней, и он, с летучим отрядом из нескольких сотен, отправился туда. На линии было по-видимому спокойно, день праздничный и мы, несколько человек офицеров, собрались на охоту за кабанами по рекам Чафраку и Хадзу. Вздумано — сделано. Явилось около сотни охотников-казаков; мы отправились. Погода была восхитительная; как-то особенно легко дышалось свежим горным воздухом, и мы гнали гай за гаем. Стрелки на пересадах не умолкали; кинжальники (Кинжальники — это охотники, предпочитающие кинжал пуле. Надо много ловкости и отваги, чтобы решиться встретить, стоя на одном колене, рассвирепелого зверя, летящего на дым выстрела с ужасающею быстротой. Кинжальник опрокидывается на спину почти перед рылом кабана, ничего невидящего вокруг себя, кроме дыма от выстрела, и в момент, как проносится над ним или около него зверь, всаживает кинжал ему в сердце или распарывает брюхо. Кинжальники обыкновенно становятся перед стрелками) работали смело [212] и ловко, а гаельщики так неистово орали, что, кажется, самые деревья готовы были от их крика пуститься вслед за кабанами. Было убито уже несколько секачей-одинцов (Кабаны, за семь лет от роду, как бы отчуждаются или изгоняются из стада и ходят большей частью в одиночку, почему и

дано им название одинцов. Секачем называется кабан, имеющий огромные страшные клыки, и странно, что пока еще не остынет убитый кабан, клыки сохраняют остроту ножа; но с охлаждением крови они тупеют до того, что надо усилие, чтобы поранить самое мягкое тело. Секачи чрезвычайно свирепы и, невзирая на неуклюжесть свою, легки и поворотливы на бегу, так что надо доброго и хорошо-приезженного коня, чтобы увернуться от его клыков. Случалось убивать секача до 18 пудов. Убитого кабана необходимо в ту же минуту распороть и выпустить внутренность; иначе мясо и сало получают такой неприятный запас, что нельзя есть), не говоря о стадных свиньях, кабанах и поросятах.

Я ехал с урядником Подрезовым по опушке, и выскочивший кабан порядочно-таки нас помучил, выделывая такие эволюции, что того и смотри поранит коня. Наконец выстрел под ухо положил неугомонного, и мы стали поджидать казаков, чтобы разделать его и отволочь в общую кучу к убитым.

Вдали от нас, к горам, появлялись по временам всадники, но, завидя нашу потеху, быстро исчезали за лесом, и мы так были увлечены удачной охотой, что на явления эти не обращали никакого внимания. Все шло как нельзя лучше; даже не было, по обыкновению, посеченных кабаньими клыками; охота делалась все шумнее и веселее, и каждая угрожавшая опасность только разжигала задор наткнуться на новую и ловко отделаться. Вдруг наш часовой с дерева кричит мне, что давно уже какой-то татарин маячит (Маячить значить давать знать, что имеет дело к встречному. Маяк состоял в том, что делалось несколько вольтов полного круга в одну и ту же сторону, имея при том винтовку в чехле за спиной. Вынутая и положенная поперек седла винтовка означала вызов на бой. Отдать маяк значило сделать такое же число вольтов и в ту же сторону) и, как видно, его маяки недаром. Я послал урядника и двух казаков отдать маяк и спросить, чего ему нужно. Скоро вернулся урядник вместе с кунаком моим, Магомет-Билеем. Неожиданность встречи не озадачила меня; подобные случаи бывали часто; но меня крайне удивила та торопливость, с которою Магомет обратился ко мне. Слова и их лаконизм были новы в моем кунаке, который обыкновенно выражался витиевато в восточном вкусе, какою-то рогатою речью. Привычка, дело опыта, не доверять горцу, даже такому кунаку, как Магометка, заставила меня быть настороже. Он в коротких словах посоветовал нам поскорее убраться домой, бросить охоту, потому что большое скопище **[213]** горцев давно нас видит и большинство подает голос напасть на нас, а князья и вожаки советуют идти прямо на станицу Константиновскую отбить скот. На вопрос: «ты почему же это знаешь?» он ответил, что сам оттуда. «Я тебе кунак, ты мне подарил часы, каких нет у самого падишаха; ты не веришь нам, но не все и не всегда неблагодарны; прощай же, пока не убедишься, что я недаром тебе кунак, да спеши и помогай своим, как знаешь». И, не ожидая ответа, как вихрь понесся и исчез за лесистой извилиной Ходза. Шутить, во всяком случае, было нечего; правду или ложь сообщила мне кунак, поверять было некогда. Жаль было бросить набитую дичь — не всякий раз случалась такая богатая удача — да ответственность была велика. Порубили кусками, что попалось получше и поскорее под-руку, приторочили к седлам и на полных рысях пустились домой. Больше двадцати верст до станицы мы сделали с небольшим в час. Сбросив с седел добычу, я велел не разъезжаться с площади, послал с резерва нарочного в Константиновскую дать знать об опасности местному воинскому начальнику, а между тем призывный набат зазвучал в

станице с перекатами барабанов и труб, и все вооруженные живо собрались на площадь, в недоумении смотря на начальство. С вышек выстрелов никто не слыхал; видно было только, что все ожидали невидимой, но верной опасности. Не прошло и часу ожидания, как загудели выстрелы, в направлении к Константиновке, и я, взяв полусотню свежих казаков и своих писарей (У нас было до 60 писарей; кроме дежурных в отделениях, остальные с адъютантом скакали зачастую на тревоги), понесся во все повода на тревогу, велев бывшим на охоте следовать прямо на Лабу к броду, против станицы Константиновской. Во время скачки восемнадцативерстного расстояния до станицы, усиленные орудийные выстрелы и перекаты ружейной пальбы становились все звучней и ясней; виднелась свалка под станицей. Вот нас разделяет уже только один Чамлык...

Посланный мною нарочный едва предупредил станицу об опасности, как вовсе неожиданная беда снегом упала на голову. Скотский табун, голов более 3,000, под прикрытием шести казаков, подгонялся к водопою близ станицы, нимало не тревожась, и был уже верстах в 5-6 от дому, как из-за Чамлыкской балки показалась значительная партия, человек за 300, не беспорядочной толпой, как водилось у горцев, но стройно идущая прямо по дороге; впереди красный с золотою бахрамой значок, как раз похожий [214] на значок начальника линии. Стройность движения обманула приказного в табуне, да к тому же двое от отряда отделились, сделали маяк и, не ожидая ответа, подскакали на выстрел к табуну и чисто по-русски закричали: «не тревожьтесь; это отряд с Тегеней!» Обманутые табунщики поспешили перегнать скот через дорогу; поднявшаяся пыль не дала видеть беднякам, что они окружены, и прежде чем они это заметили, их уже не существовало: все пали под шашками, не обнажив даже оружия. Распорядясь так удачно, горцы погнали табун к станице. Жители, видя скот идущий спокойно, и следующий за ним отряд, вовсе не предполагали врага внутри линии, и ожидали только, как сказал нарочный, незванных гостей из-за Лабы; теперь они спешили, кто с бочонком на повозке, кто просто с ведрами, набрать поскорей воды и запереться в станице. Партии хищников станичники обрадовались, как нежданной и сильной помощи, вовремя к ним подоспевшей.

Подогнав скот к броду, горцы, вместо водопоя, гикнули на табун, сделав несколько выстрелов над ним, и скот, как бешеный, бросился за реку, напирая друг на друга, и выскочив на берег, рассыпался по равнине; тогда мнимый отряд бросился на жителей совершенно растерявшихся и началась хватка в плен женщин и ребят. Едва успели пехота и часть жителей занять ворота, чтобы не допустить горцев ворваться в станицу. Местная льготная сотня, бывшая в прикрытии скота, ничего не только незнавшая о неприятеле, но и неподозревавшая близости его, оставалась в поле, отправя табун на водопой; но, услышав выстрелы, быстро принеслась и, беспорядочной массой, не успев выстроиться для боя, бросилась в свалку. Пользуясь этим промахом, горцы вмиг ее отбросили. Расстроенная сотня, бывшая еще в первый раз в бою, за исключением немногих старых линейцев, озадаченная натиском горцев, далеко промчалась в поле; но, опомнясь, собралась и начала строиться за углом станичного фаса, готовясь ударить вновь на превосходного числом неприятеля. Между тем, из-за Лабы уже неслось другое скопище горцев, более 800 человек. Видя все это и сообразив, что попасть между двух сильных партий с такой кучкой людей, как моя, дело весьма опасное, а пробиться к своим, как говорится по пословице, «старуха на двое сказала», я счел за лучшее, пользуясь общей

сумятицей, распорядиться так: оборотив команду назад, бросился в карьер к Чамлыкскому лесу, переправился в брод в 7 верстах выше станицы, обскакал вокруг нее; ниже переправился снова за Чамлык, и послал сказать [215] станичникам, что буду на Лабинском броду и постараюсь сделать все что только будет возможно для отбития скота, и чтобы все спешили ко мне на выручку.

На Лабе я соединился с посланными мною туда казаками, бывшими на охоте, и мы, притаясь в густом лесу, ждали возврата непрошенных соседей-гостей.

Между тем, обе партии горцев соединились под станицей, но, не решаясь идти на штурм, предпочли собрать бешено-бегавший по равнине скот и угнать его в горы.

Много произошло под станицей отдельных эпизодов неравного боя, отчаянной храбрости и ловкой изворотливости. Так, казачонок, поселенец с Кубани, Сорокин, лет тринадцати или четырнадцати, ехавший на водопой на отцовской лошади с пистолетом за поясом, был окружен несколькими горцами, но не потерялся: подобрав поводья лихому коню, хлестнул его нагайкой, и, как птица, бросился напролом, успев в то же время ссадить в упор из пистолета горца. Преследуемый хищниками, несся он стрелой, крича караулу на полевых воротах пустить его; ворота на миг распахнулись и мальчуган юркнул в них. Приехав домой, самодовольно потрепал он по крутой шее своего боевого товарища и побежал на батарею посмотреть что творится за станицей. Мальчуган Сорокин, по засвидетельствованию лиц видевших его первый смелый дебют, был награжден малой серебряной медалью за храбрость, на георгиевской ленте.

Приказные Ледовской и Володин, бывшие дежурными на станичном резерве с несколькими казаками, перескакав мостик на Чамлыке, отхватили штук 150 скота из рук хищников и отстояли его, перегнав к станице. Мельник-казак Несонов, с тремя завозчиками, спокойно моловший до тревоги, засел было, как в крепости, в своей мельнице и обстреливал плотину, да казачья натура не выдержала засады: быстро бросились они на нехитрую узкую плотину, забрались в кусты и давай сбрасывать выстрелами наскакивавших к мельнице джигитов, так что после боя нашли под плотиной шесть тел и до десятка лошадей. Мельницу все-таки, не дали ни зажечь, ни ограбить.

В противоположность этой находчивости, бедная казачка Фомина, поселянка с Дону; женщина лет под тридцать, возвращаясь с бочонком воды на волах в станицу, разряженная в кубелек и шелковый расшитый колпак (Дончихи долго еще на линии донашивали свой национальный костюм, далеко не живописный и состоявший из кубелека, капота в роде тех, какие носят монастырские фелички, с тальей под мышками, и застегнутый спереди дутыми серебряными пуговицами; на голову надевали шелковый вязаный колпак, шлык которого висел на бок), до того [216] растерялась увидя горцев, что сама бросилась к одному из них под защиту, и он, конечно, как вежливый кавалер, подхватил ее, усадил на седло, сел сам сзади и, не дожидая других, отправился вскачь за Лабу. Бедная женщина, протерпев все бедствия нераздельные с пленом, только года через полтора выбежала из гор, оборванная и изнуренная. Другая ее подруга подлезла под воз, и тем отделалась от участи Фоминой. Много было и других случаев; но теперь всех не упомнишь, да, кажется, и приведенных достаточно.

Горцы, под прикрытием лучших наездников, собрали скот и нестройной массой отступали к Лабе. Смежные с бродом посты Родниковский и Курганный, по малочисленности конного гарнизона, помощи дать не могли; сотня станицы Чамлыкской была на Тегенях, а сотня станицы Михайловской, по дальности расстояния, прибыла тогда, когда уже все было кончено. Как только горцы двинулись к Лабе, весь гарнизон и большая часть жителей выступили из станицы в преследование, надеясь хотя сколько-нибудь отхватить скота на броду — и не ошиблись в расчете. Вода в Лабе была велика, и в этом месте река имеет пять протоков, так что скот пришлось не в брод перегонять, а плавить на расстоянии более версты. Поднялась у горцев страшная кутерьма, чем я и воспользовался, сделав залп и бросясь с двух сторон в шашки из нашей засады. Мои молодцы так неистово гикнули, что, озадаченные нечаянностью, горцы бросились уходить, стараясь выбраться скорей из воды; подоспевшая из станицы подвижная гарнизонная артиллерия, несколькими удачными картечными выстрелами, расстроила их наплаву. Нескученный скот уносился быстриной течения и выбирался, где указывал инстинкт, на берег или на косу, на ту или на другую сторону; жители рассыпались по лесу хватать свои животы, как они называют скотину. Горцы опомнились однако довольно скоро и тоже открыли огонь из-за каждого занятого куста и старались не давать скота. Были смельчаки, бросавшиеся наперерез плывущим и уносимым течением, стараясь завернуть их на свою сторону. Хаос был необычайный и у нас, и у них: никто никого не слушал, суетился и метался как угорелый. Громкий крик, гам, стрельба ружейная, орудийная, рев скота, шум бешеной Лабы — все сливалось в одну [217] адскую ораторию. Только быстро наступивший по закате солнца сумрак прекратил эту общую суматоху. Общими усилиями нам удалось отбить обратно около половины скота. Преследовать за Лабу неприятеля было немыслимо, и мы, пока совсем стемнело, собирали разбежавшийся и от страха одичавший скот. Немало его погибло и унесено Лабой, так что в результате горцы поживились менее чем 500 голов. Весь так хорошо задуманный и так в начале удачно исполненный набег обратился в игру не стоившую свеч, если принять в соображение ту потерю убитыми и ранеными, какая оказалась у них по единогласному свидетельству лазутчиков. Но все же дело было проиграно, и наград ожидать не приходилось, разумеется кроме утешения, что всякий из нас старался, насколько хватало сил и уменья, исполнить свой долг. В этом табуне у меня было четыре пары быков, и мой старый батарейный боевой конь; достались ли они горцам, утонули ли в Лабе, для моего кармана расчет был все один и тот же. О таких потерях мы мало тужили: удачный набег — и опять пополнен убыток, да еще часто и с лихвой. Потеря с нашей стороны была человек до двадцати убитыми и ранеными, да шестеро взятыми в плен, женщин и детей; скота не досчитались до тысячи штук крупного и мелкого. Часу в одиннадцатом вечера, прибыл к нам с большого Тегеня начальник линии, наш обожаемый Волков, сделав в день более 120 верст. Ему было дано знать, с малого Тегеня, нашими разъездными казаками, заметившими партии, и он по сакме думал ее нагнать, или застать дело... Но было поздно: далеко до его прихода все уже было покончено. Отдав подробный отчет о ходе дела и получив задушевное спасибо, вместе с дельными замечаниями в упущениях, всегда глубоко врезывавшимися в память и частенько впоследствии выручавшими в трудной, разбойничьей нашей войне с горцами, мы остались ночевать на броду.

С рассветом переправились за Лабу и пошли преследовать хищников, но их и след простыл: несколько штук отбившейся скотины, частью с порубленными шеями, бродили по камышам и кустарникам. Пройдя верст 15 от Лабы, мы вернулись.

Кунак мой Магометка был, между горцами, ранен в этом деле, выздоровел и явился с повинной. Его простили не в пример другим, принимая во внимание ту существенную пользу, которую можно было извлечь из этого далеко не дюжинного и влиятельного между горцами плута. Долго еще мы куначили с ним и [218] он не раз доказывал свою твердость, пока его свои же не убили, окончательно убедясь в его двуличности.

Был у меня и другой кунак, Ахмат-султан, известный у нас на линии больше под именем урупского бешеного султана. Он был потомок, по боковой линии, грозного Чингиз-хана и владел несколькими мирными аулами, поселенными на правом берегу реки Урупа, против станицы Урупской. Султан был высокий, стройный, красивый мужчина лет тридцати; но странная устойчивость зрачков его больших и правильно очертанных черных глаз и какая-то во всем теле и во всех движениях торопливость дали ему прозванье «бешеный», т.е. сумасшедший. Если он действительно был помешан, то мания его была просто плутовство, тонкое, ловкое мошенничество на все руки; другой же никто не замечал. Основанием всей его дружбы был пекшеш, т.е. подарок. Бывало приедет, и на что только уставит свои неподвижные зрачки, то и подавай!.. А сам был скуп как жид. Надоело это до крайности, и я, необдуманной шуткой, положил разом конец нашему куначеству. Как-то пришел он рано утром и застал еще меня в постели. Глаза его остановились на висевшей на стене арабской винтовке, с золотой насечкой по всему стволу — подарке П. А. Волкова. Зная хорошо, что этой вещью я дорожу не по ее достоинству и ценности, а как памятью любимого человека, он и тут не выдержал и принялся хитрить, заходя со всех сторон: то рассыпался в похвалах моим достоинствам, выставляя меня каким-то сказочным героем, то находил во мне все источники доброты и преданности в дружбе. Как ни превозносил, однако, он мою личность и как ни хвалил винтовку, я не предложил ее в пекшеш и, не угостя даже гостя аракой и чаем, повесил винтовку на прежнее место, и отправился в штаб. Долго — говорили мне после вестовые — султан оставался в спальне, не сводя глаз с очаровавшей его винтовки, потом, вдруг махнул рукой, с улыбкой вышел на двор, сел на коня и поскакал как шальной прямо за станицу. Спустя несколько дней, он явился опять веселый, разговорчивый и, проболтав с полчаса, позвал меня на двор взглянуть на приведенного жеребчика своего завода. Конь был действительно статный, обещал в будущем доброго скакуна, и, стоил гораздо больше сотни рублей. Султан опять рассыпался в излияниях похвал, смешивая мои качества с его конем, и наоборот, и вдруг прервал речь, предложив мне прямо жеребчика в пекшеш. Поблагодарил я кунака, **[219]** похвалил подарок и угостил его, на славу. О винтовке ни слова, как будто он и не видал ее; но я хорошо догадался к чему разыгрывалась вся эта комедия, и положил не поддаваться надувале, а обрезать его разом, не рассчитывая, конечно, на последствия, чуть не покончившиеся для меня трагически. На следующее утро приходит снова ко мне кунак, жалуется на головную боль, говорит, что моя арака просто огонь. Я велел, однако, подать ему опять водки и рому. Он долго не соглашался пить один, зная хорошо, что, когда я выпью лишнее, всякий может обобрать меня как хочет. Ссылаясь на нездоровье и спешные дела, я наотрез отказался пить, а между тем усердно угощал кунака, а хотя он долго крепился, но наконец не выдержал, и чарка за чаркой полились в его широкое горло.

Оживился мой султан; винтовка опять явилась на сцену. Полились рекой похвалы нашей дружбе и достоинствам винтовки; но вдруг, среди самых патетических излияний, я поразил оратора словами: «А что, султан, винтовка-то тебе видно очень нравится? Что ж, для такого кунака — изволь, я продам, давай деньги». Кажется, удар грома, разразившийся у ног моего кунака, не произвел бы на него такого действия, как эти слова. Вытаращив страшно зрачки, он быстро бросил винтовку на кровать и, как угорелый, ругая меня на всех знакомых ему диалектах, не исключая и русского, выбежал вон и с тех пор ни ногой ко мне. Посмеялись мы не раз с добрыми моими сослуживцами этой проделке, но казначей наш, сотник Иванов, сосед султана, отлично его знавший, советовал мне быть поосторожней в поездах по Урупу, чтобы не наткнуться врасплох на засаду бывшего кунака и не поплатиться головою. Прошло около году, а бывший кунак и носу ко мне не показывал; если и бывал в станице и случайно встречался со мной, показывал вид будто не замечает или не видит меня. Игра эта в незнайки смешила меня; но, скажу откровенно, и тревожила, выказывая всю ненависть, какая таилась в дикой натуре, не могшей преодолеть себя, при всей двуличности вообще характера горцев. Случай не замедлил оправдать и предостережение казначея, и мое предчувствие.

Возвращаясь раз ночью, прямой дорогой с Кубани, куда ездил по обязанностям службы, я должен был проехать через султановские аулы. Как усмотрел меня султан, не знаю, но случайной встречи с ним быть не могло. Только что я начал переправляться в брод по Урупу, озаренному чудным светом полного месяца, [220] как раздался выстрел; мой конь взвился на дыбы и, отчаянно крутя головой, кинулся в сторону, так что едва не выбросил меня из седла. Пуля пробила бедному животному храп. Бросились мои конвойные на выстрел, долго шарили в кустах и, наконец, притащили связанного арканом горца. Это был султан!.. В это время он действительно был бешеный: неудавшаяся, таившаяся столько времени на душе, месть — месть горца, бессильная злоба и страх будущего до того исказили его правильные и красивые черты, что решительно узнать было трудно; расширившиеся неподвижные зрачки светились как у волка, пена клубилась изо рта, он весь трясся как в лихорадке, судорожно вздрагивая. Думал было я отправить его в станицу и пошла бы процедура суда, да казачья натура взяла свое: я решил разделаться сам и поучить на славу кунака, т.е. я велел раздеть его догола, ввалить ему без счета добрых нагаек и бросить, как был привязан, к дереву. По нашему обычаю, взятому у горцев, оружие и шашку я отдал казакам.

Прошу не судить меня строго за эту разделку и вспомнить ту школу, через которую проводила нас судьба, те нравы и обычаи, среди которых вращалась жизнь наша на линии. Как я узнал впоследствии, кунак мой оставался привязанным к дереву до полудня; его отвязали свои и, изъеденного комарами и мошкарой, отвели домой, где он провалялся с месяц в постели. Оправясь, он бежал в горы, с страшной местью в сердце, передав мне через своего узденя, что и за гробом отмстит свой позор. Но скоро его уколотили свои же, в горах, за какую-то подлую, даже и по их понятию проделку... Положа руку на сердце, скажу, что я стал далеко спокойнее и вообще осторожнее с его смертью: этот урок научил меня многому и был не без пользы впоследствии.

Аполлон Шпаковский.

Текст воспроизведен по изданию: Записки старого казака // Военный сборник, № 7. 1870 https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1840-1860/Spakovskij_A/text1.php